

Н.Е. Никонова

Томский государственный университет

**А. Дитрих, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский:
новые факты русской тассианы**

Аннотация: Вводятся новые факты из литературного быта и наследия «золотого века русской литературы». Впервые публикуется стихотворение личного доктора К.Н. Батюшкова, поэта и переводчика Антона Дитриха, посвященное В.А. Жуковскому, обнаруженное в личной библиотеке поэта. Анализируется совокупная рецепция образа и наследия Тассо в России в связи с образом Батюшкова и восприятием итальянского поэта Жуковским.

The article introduces new facts about literary life and heritage of Russian literature's Golden Age. A poem written by Anton Dietrich, a private doctor, poet and translator, that was dedicated to V.A. Zhoukovsky and found in the poet's private library, is published for the first time. The article also gives a general reception of Tasso's image and heritage in Russia in connection with Batushkov's image and perception of the Italian poet by Zhoukovsky.

Ключевые слова: А. Дитрих, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, Тассо, рецепция.

A. Dietrich, K.N. Batushkov, V.A. Zhoukovsky, Tasso, reception.

УДК: 821.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 529852. E-mail: nikonat2002@yandex.ru.

Особенности русской рецепции Т. Тассо

Образ итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595) является одним из центральных в пантеоне мировой художественной словесности, его биография и творческое наследие получили различные рецептивные интерпретации в зависимости от эпохи и культурно-национальной специфики. Фигура Тассо обрела свой особый мифопоэтический ореол в эпоху романтизма благодаря драме Гете и элегии Байрона, стала символом романтического художника-творца, не умеющего и не желающего подчиниться законам действительности, и оттого не понятого окружающими, несчастного от безответной любви, болезненно религиозного и практически доведенного до сумасшествия. История Тассо, подобно модели Вертера, выступила емкой аналогией для поведенческого текста поэта-романтика. В Европе с ним сравнивали Шатобриана, Гельдерлина и Байрона.

Преобладание мифологизированной составляющей было типично для мировой тассианы в целом и определялось особенностью первичной критической рецепции. Базовыми трудами, популяризовавшими фигуру поэта в Европе, являлись его идеализированная биография «Жизнь Торквато Тассо», автором которого был его современник, друг и доктор Джамбаттиста Манзо; литературная подделка «Бдения Тассо» [Les veilles du Tasse, 1800], послужившая источником для ранней переводческой рецепции, и художественное представление его переживаний в ряду с «поэтами несчастливцами» Ж.М.Б. Бен де Сен-Виктора [Бен де Сен-

Виктор, 1802]. Поэтому к началу XIX в. в европейской литературе благодаря драмам К. Гольдони в Италии (его тассиана поставлена в 1755), И.В. Гете в Германии («Торквато Тассо», 1790), элегии Байрона в англоязычной поэзии («Жалоба Тассо», 1817) вполне оформился миф о Тассо.

Русская переводческая рецепция поэзии Тассо, в первую очередь, его поэмы «Освобожденный Иерусалим», началась в конце XVIII в. и была связана с вопросом о правомерности введения итальянской октавы, которая утверждалась экспериментальным переводом С.П. Шевырева, вызвавшим полемику среди современников-литераторов. Не меньший масштаб имели критическая и поэтическая рецепции. В поэзии М.М. Хераскова, творчестве М.Н. Муравьева, Н.М. Карамзина, А.Х. Востокова и др. находятся следы поэзии Тассо, ярчайшим из таковых можно считать образ обольстительной Армиды.

Тассо с его поэзией является одной из магистральных фигур литературной полемики в России начала XIX в., о чем свидетельствует документальная история «Арзамаса». Имя итальянского поэта фигурирует в литературных протоколах, речах и стихотворениях В.Л. Пушкина, Д.В. Дашкова, Д.Н. Блудова, П.А. Вяземского и А.С. Пушкина рядом с авторами классического эпоса Гомером, Вергилием, Ариосто. «Освобожденный Иерусалим», вышедший в переводе предстателя «Беседы» А.С. Шишкова в 1818–1819 гг., становится объектом критики переводческих принципов оппонентов и источником узнаваемых образов-амплуа. Ср., например: «как Исмен в последних песнях Тассовой поэмы становится злее и опаснее, так и чародеи-варяги против четырнадцатого Арзамаса истожили весь остаток своих волхвований и злобы» [Арзамас, 1994, кн. 1, с. 369]. Эпическое творчество и личность Тассо также получают самые серьезные критические оценки арзамасцев, однако, неотделимо от русской литературы: с ним сравнивают Жуковского и Батюшкова. Поводом для аналогий служит издание их новых сочинений – «Умиряющего Тасса» и «Двенадцати спящих дев» [Арзамас, 1994, кн. 2, с. 96–98].

Восприятию образа Тассо в России первой трети XIX в. и отражению его в художественной литературе посвящена крупная обзорная статья Р.М. Гороховой [Горохова, 1978], о пушкинской тассиане писал М. Розанов [Розанов, 1937], но ведущая роль в русской рецепции принадлежит, безусловно, К.Н. Батюшкову, оставившему яркий след в тассиане критической, переводческой, поэтической и поведенческой. Его переводы из Тассо получили положительные отзывы современников (С.С. Уварова и П.А. Плетнева, А.А. Бестужева-Марлинского и др.). Батюшков-Тассо упоминается в стихах П.А. Вяземского и А.Ф. Воейкова, Д.В. Дашкова и позже устойчиво присутствует в поэзии В.К. Кюхельбекера. При этом поведенческая и литературная тассиана Батюшкова 1805–1817 гг. привлекла специальное внимание ученых сравнительно недавно. Как доказывают работы И.А. Пильщикова, она создавалась на пересечении нескольких (преимущественно, предшествующей русской и французской) переводческих и культурных традиций как некий «макротекст», или «комплексный текст» [Пильщиков, 1998, с. 345–353]¹. Образ и наследие Тассо осмыслены Батюшковым целостно и самостоятельно, в этой рецепции преобладает историческая тема. Известнейшие предшественники русского поэта – Гете и Байрон – рисовали иные образы. В элегии английского романтика Тассо представлен как поэт-бунтарь, у Гете он придворный, а не бунтующий гений, сюжет немецкой драмы не затрагивает заключение героя в лечебницу и воспекает подвиг смирения.

Тассиана К.Н. Батюшкова и А. Дитриха

Важнейшим фактом из тассианы Батюшкова является заметка его личного доктора Антона Дитриха, опубликованная впервые в оригинале в 1887 г. и в рус-

¹ Исследование базируется именно на рукописях доктора Дитриха.

ском переводе А.В. Овчинниковой в 2001 г. [Дитрих, 1887, 2001]. Несмотря на принципиальное значение этой работы, о личности доктора до последнего времени было известно немного: летом 1828 г., после того как консилиум немецких врачей признал болезнь поэта неизлечимой, он должен был сопровождать его из Германии в Москву, а затем наблюдал за больным. Личность Дитриха и его труды о Батюшкове открылись по-новому благодаря публикации в 2005 г. В.А. Кошелевым одного из интереснейших исследований жизни и творчества К.Н. Батюшкова, принадлежащего Н.Н. Новикову [Новиков, 2005]. Созданный в 1884 г. историко-литературный психологический очерк «Батюшков под гнетом душевной болезни» представляет альтернативную по отношению к выраженной в широко известной книге Майкова точку зрения и базируется, в первую очередь, на записях Антона Дитриха. Таковых рукописных свидетельств находится четыре. Помимо известной записки «О душевной болезни...» до нас дошел «Дневник болезни надворного советника и кавалера русского императорского двора К.Н. Батюшкова», оставшийся неопубликованным. Автор очерка Новиков знал и использовал еще две утерянные на сегодняшний день работы: «Собрание сведений о русских писателях» и его дневник московской жизни, в значительной степени посвященный Батюшкову [см. подробнее: Кошелев, 2005, с. 3–12].

Из личной и творческой биографии немецкого доктора в России известно, что во время своей московской жизни (1828–1830) он подружился с кругом самых известных русских поэтов [Черейский, 1988, с. 140]: П.А. Вяземским и С.П. Жихаревым, Муравьевыми и А.С. Пушкиным, а также с В.А. Жуковским [Кошелев, 1997, с. 326–332]. Дитрих переводил их стихи на немецкий язык, писал собственные, в лучших традициях немецкого романтизма собирал народные предания и позже опубликовал собрание русского фольклора с предисловием Як. Гримма в 1831 г. [Dietrich, 1831]. Словом, Дитрих был совсем не чужд литературному творчеству и тесно контактировал с литературным бытом своей эпохи в России и Германии. С Жуковским его связала тесная многолетняя дружба, продолжавшаяся в активной переписке уже по возвращении доктора в Саксонию. Эти письма сохранились в архиве ИРЛИ и, безусловно, требуют специального изучения.

Материал личной библиотеки Жуковского представляет новые факты из этой истории, значимые для русской литературы, русско-европейских культурных контактов. В рамках статьи мы сосредоточимся на этом материале.

В собрании книг Жуковского с автографами сохранился немецкий перевод драмы датского поэта-романтика Бернарда Северина Ингеманна (1789–1862) «Освобождение Тассо». Автором перевода является именно Антон Дитрих. Немецкий перевод содержит многочисленные поправки, сделанные Дитрихом собственноручно. К переводу прилагается автограф – стихотворное послание, написанное готической скорописью и адресованное Жуковскому. Приводим полностью текст стихотворения и его подстрочный перевод:

Zuschrift
an
den Herrn Kollegienrath
Wassily Andrejewitsch Schukowsky.

Rastlos kämpfend und stets die Widerstände des Lebens
auszugleichen in sich und zu versöhnen bemüht,
ringet mit Schmerz nach Befreiung die Seele des duldenden Sängers,
aber Befriedigung ach! findet die sehrende nie.
Retten möchte sie sich, die leicht verletzliche, retten
vor der Welt und vor sich selber in eiliger Flucht.
Heimat findet hienieden sie nicht, im Reiche der Träume

sucht die verwundete dann zagend Erquickung und Trost.
Ach! sie quält sich umsonst, sie versinkt in finstere Tiefen
einsam und freudenlos tiefer und tiefer hinab,
und es erlahmen die Schwingen, die sonst in begeistertem Fluge
trugen die sterbende kühn bis in die Himmel empor,
und in Gebilden des traurigsten Wahns, mit grässlichem Missbrauch
seiner entbundenen Kraft schwilget das kranke Gemüth.
Siehe! da öffnen die Himmel sich weit, erhab'ne Gestalten
nahen mit freudigem Gruß plötzlich in strahlendem Licht.
Siehe! der Tag der Befreiung bricht an, sie bringen dem Bruder
festlich den heiligen Kranz, welchen er leidend erkämpft.
Und es entsinket das staubige Kleid, die entfesselte Seele
schwingt auf sonnigem Pfad fröhlich dem Himmel sich zu.
Ewig ist die Gemeinschaft, und unvergängliche Freude,
wie sie noch nimmer empfand, lohnt für vergänglichen Schmerz.

Nimm den, gefeierter Sänger, die Dichtung, die ich auf Deutschlands
Boden verpflanzt, von mir, freundlich als Huldigung an.
Siehe! auch er, der Dir einst als Freund am Busen gelegen,
er, der in traulichem Bund rührte die Laute mit Dir,
er auch pries mit begeisterter Liebe den Namen des Sängers,
der in erhabenem Lied Salems Befreiung besang,
er auch, entzweit mit der Welt und mit sich in schrecklicher Selbstqual –
traurige Spiel des Geschicks! – sank in sich selber hinab.
Er auch, grässlich verirrt in eigener Schöpfungen Wahnbild,
suchte der Heimat Land, Frieden und Freiheit umsonst.
O dass auch seinem erkrankten Gemüth der Tag der Befreiung,
ach! der erweinte, sich bald nahe mit himmlischem Licht.
Dann wird kommen mit innigem Dank im heiligen Chore
Tasso zum Bruder herab, bringen die Frau und den Kranz,
und in der Heimat mit himmlischer Wonn' und befriedigter Sehnsucht,
ewig vereinigt mit ihm, lohnen den irdischen Schmerz.

Aber dieweil noch im Reiche der Träume und drückenden Fesseln
Krankheit und irriger Wahn hält den befangenen Geist,
Will ich mit Muth und Geduld und mit nieverlöschender Hoffnung
redlich, wie Manso gethan, üben die ärztliche Pflicht.

Moskau
Anton Dietrich.
den 13-ten Okt<ober>
1828 [Ingemann, 1827, Bl. 1-4].

Посвящение
Г-ну Коллежскому Советнику
Василию Андреевичу Жуковскому

Неутомимо борясь и постоянно препятствия жизни
сгладить в себе и примирить старается,
добивается с болью свободы душа терпящего певца,
но успокоение ах! не найти жаждущей никогда.
Спастись она хочет, легко ранимая, спасти
от мира и от себя самой в спешном побеге.
Приюта не найти ей в здешнем мире, в царстве грез
ищет тогда раненая, робая, отрады и утешения.
Ах! она мучается напрасно, опускается в мрачные глубины
одиоко и безутешно глубже и глубже,
и слабеют движения, которые прежде во вдохновенном полете
возносили смертную смело до небес,
и в порождениях самого печального безумия, ужасными злодеяниями
своей высвобожденной силы наслаждается больная душа.
Смотри! вот небеса открываются широко, благородные образы
приближаются с дружеским приветом вдруг в сияющем свете.
Смотри! день освобождения наступает, они несут брату
торжественно священный венец, которого он, страданием добивается.
И спадает пыльное платье, освобожденная душа
рвется по солнечной тропе радостно к небу.
Вечно то единство, и непреходящая радость,
какой она еще никогда не чувствовала, вознаградит преходящую боль.

Прими, прославленный певец, стихотворение, которое я на германской
земле взрастил, от меня, дружески как преклонение.
Посмотри! и он, который Тебе прежде был другом в твоём сердце,
он, который в душевном союзе пел с Тобой,
он также заслужил вдохновенной любовью имя певца,
который в благородной песне освобождение Салема воспел,
он также, разойдясь с миром и с собой в страшном самоистязании –
печальная игра судьбы! – погрузился в себя.
Он также, ужасно заблудившись в сотворенных им безумных картинах,
искал приюта, покоя и свободы напрасно.
О, пусть также для его больной души день освобождения,
ах! выплаканный, приблизится скоро небесным светом.
Тогда спустится с искренней благодарностью в святом хоре
Тассо к брату, преподнесет жену и венец,
и в отчизне с небесным упоением и утоленным томлением,
навечно соединенные с ним, вознаградят за земную боль.

А пока еще в царстве грез и давящих оков
болезнь и неверное безумие держат заключенный дух,
Мужеством и терпением и никогда не угасающей надеждой хочу я
честно, как Манзо, выполнить свой долг врачевателя.

Москва
Антон Дитрих
13 октября
1828¹

¹ Подстрочный перевод с немецкого сделан нами – Н.Н.

Стихотворение Дитриха, написанное нерифмованным дактилем, состоит из трех частей, отделенных друг от друга графически. Первая из них посвящена Тассо (и Батюшкову), вторая – Тассо, Батюшкову и адресату послания Жуковскому, в финальном четверостишии автор провозглашает свое участие в тассиане Батюшкова и Жуковского. Первые 22 стиха раскрывают поэтический сюжет больной души поэта, представляют кратко мифологизированную историю Тассо и могут быть прочитаны как вторичный эпитаф к преподносимому в дар изданию немецкого перевода А. Дитриха. Вторую часть составляют 18 стихов, содержащие выделенные графически тремя подчеркиваниями обращения к Жуковскому, воспоминание о дружбе и творческом союзе поэтов, сопоставление сначала Батюшкова с Жуковским, а затем с Тассо, который в завершение спускается с небес на землю и спасает страждущего поэта от мучений. Венчают посвящение строки о настоящем положении дел, в котором Батюшков предстает в романтическом образе узника, а доктор Дитрих сравнивает себя с близким другом итальянского поэта Манзо.

Посвящение датировано автором 13-м октября 1828, в то время как известная записка Дитриха о болезни Батюшкова создана около четырех месяцев позже (в феврале 1829 г.) и может быть рассмотрена как, своего рода, продолжение не совсем научно-медицинских размышлений немецкого доктора и переводчика.

Интертекстуальный смысл послания Дитриха определяется во многом содержанием переведенной им драмы Ингеманна, созданной под впечатлением от посещения могилы Тассо в монастыре Св. Онуфрия в Риме 5 февраля 1819 г. и посвященной им родной Дании. В списке действующих лиц находится всего восемь персон, бывших в реальности приближенными Тассо и непосредственно участвовавшими в его личной трагедии, среди которых заключивший под стражу и затем освободивший его герцог Феррары Альфонс, сестра герцога и возлюбленная Тассо Леонора, секретарь Антонио, цыганский барон, настоятель в госпитале св. Анны в Ферраре, кардинал, а также друг, врач и помощник Тассо Манзо. Сюжет драмы, в общем, составляют стереотипные факты мифа – это история заточения и освобождения Тассо, расставания с внезапно смертельно заболевшей возлюбленной Леонорой, которая завещает ему никогда не отказываться от творчества, и финальный поэтический его триумф. Манзо изображается Ингеманном, главным образом, как единственный верный товарищ и спутник, понимавший поэта и облегчавший его страдания.

Образ Батюшкова был так же неотделим от Жуковского и для его русских современников. Жуковский активно участвовал в устройстве друга и непрестанно следил за его судьбой, но, как известно, с самого начала болезни поэта он выражал особую позицию в отношении личных контактов с ним: «Друзья же должны остаться в стороне; дабы он мог иметь их общество и от них не отдаляться. Кажется, другого ничего не остается делать» [Янушкевич, 2010, с. 95]. Автограф А. Дитриха привносит новые штрихи в русскую тассиану, является важным литературным фактом и биографическим свидетельством из жизни и творчества русских романтиков. «Посвящение» поднимает не изученный ранее вопрос о тассиане самого Жуковского, требует более подробного освещения характера восприятия романтиком образа Тассо и его поэзии.

Тассиана В.А. Жуковского

К моменту получения подарка от Дитриха Жуковский мог быть знаком не только с переводами членов «Беседы», упоминаниями которых пестрят арзамасские протоколы, но, как минимум, еще с оригиналом самого известного произведения Тассо «Освобожденный Иерусалим», а также с немецким переводом драмы, выполненным К. Штекфуссом. Об этом свидетельствуют сохранившееся в его личной библиотеке соответствующие издания 1819 и 1825 гг. [Библиотека

В.А. Жуковского в Томске, 1981, с. 303]. Об устойчивом интересе поэта к мировой рецепции Тассо говорят также более позднее немецкое издание перевода драмы, сделанного Й.Д. Грисом 1844 г., и поэма Н.В. Кукольника 1833 г., имеющиеся в собрании книг Жуковского [Библиотека В.А. Жуковского в Томске, 1981, с. 37].

В том же году, к которому относится «Послание» Дитриха, вышли два варианта русского перевода «Освобожденного Иерусалима», принадлежащие Мерзлякову и Раичу и не оставшиеся без внимания Жуковского. Перевод С.Е. Раича сохранился в библиотеке поэта [Там же; с. 64] и содержит его пометы. Карандашные отчеркивания находятся в первой и третьей частях и связаны с отдельными конкретными сюжетами «Освобожденного Иерусалима». Из первой песни первой части об избрании Готфреда вождем Жуковский-читатель «выбирает» 4 фрагмента, которые представляют описание облика вождя вождей (12 стихов), портрет Бертольда (12 стихов), выдвижение бесстрашного войска (22 стиха) и провозглашение вечной памяти «вождей священной рати» (9 стихов). Остальные пометы сделаны в тринадцатой песне третьей части поэмы и содержат сюжет о лишениях воинов и их преодолении: об очарованном лесе, засухе, отравлении Аладином воды и предательстве в стане христиан, о молитве Готфрида и ответной речи Бога, предсказавшего христианским рыцарям конец страданий и победу (всего отчеркнуто более 120 стихов).

Перевод Мерзлякова не сохранился в библиотеке Жуковского, но его работа по переложению итальянских стихов не могла не заинтересовать его. Из письма к П.А. Вяземскому явствует, что результат не пришелся ему по вкусу: «Феб наказывает его <Мерзлякова – Н.Н.> по достоинству теми дурными стихами, которые подсказывает он ему при переводе Тасса! Я начинаю терять надежду, чтобы Мерзляков, при всем своем даровании, когда-нибудь мог хорошо писать. Как изуродован бедный Торквато» [Жуковский, 1812(?), л. 66].

Прямого обращения к стихам итальянского поэта наследие Жуковского-переводчика не обнаруживает. Единственный текст, обнаруживающий косвенную связь с Тассо, заимствован им у Гете и представляет собой скорее отдельный сюжет восприятия Жуковским гетевской традиции в литературе. Имеется в виду отрывок, опубликованный им в «Собирателе» (1829. № 1. С. 14): «То место, где был добрый свято! // Для самых поздних внуков там звучит // Его благое слово, и живет // Его благое дело». Как удалось установить А.С. Янушкевичу, четверостишие восходит к драме Гете «Торквато Тассо» (1789) и является переводом [Жуковский, 1999, т. 2, с. 645]. Дневники Жуковского свидетельствуют о неподдельном многолетнем интересе поэта к этой немецкой драме. В январе 1822 г. он отмечает, имея в виду драму Гете: «чтение Тасса» [Жуковский, 2004, т. 13, с. 237]. В сентябре 1838 г. во время своего третьего заграничного путешествия Жуковский оставляет в дневнике достаточно распространенную по сравнению с контекстом запись: «Вечеру в театре “Тассо”. *Duoran* – Тасс. *M-e Genast* – Элеонора. *Genast* – Антонио» [Там же, т. 14, с. 116].

Еще одним источником рецепции мифа о Тассо стало европейское искусство – живопись, скульптура, архитектура. С 1827 по 1838 г. Жуковский оставляет в дневниках записи об увиденных в собраниях немецких и итальянских художников изображениях итальянского поэта и героев его произведений. Ср.: 1827 г. – «в галерею дворца Люксембургского. <...> “Тасс и Элеонора”» [Там же, т. 13, с. 376]; 1833 г. – «К Катлю. Четыре ландшафта; голубая гротта; Смерть Тасса» [Там же, с. 378]; 1838 г. – «у Шоппе. *Купающиеся одалиски*. У <прбл.> Леонора, венчающая Тасса» [Там же, т. 14, с. 124]; «статуя Тассовой Аминты, ученика Кановы» [Там же], «у Скиавони: <...> Тасс и Элеонора» [Там же, с. 136]; «фигуры для Лейхтенбергского монумента; бюсты Тасса и Ариоста» [Там же, с. 140].

Наконец, в восприятии Жуковского присутствует и Тассо исторический. В 1833 г. русский поэт осматривает его дом и посещает монастырь св. Онуфрия. Сделанные им дневниковые записи пронизаны образом Торквато Тассо. Жуков-

ский говорит о его могиле, портрете, бюсте, его комнате: апрель 1833 г. – «смотрели Тассов дом» [Там же, т. 13, с. 370], май 1833 г. – «II. В монастыре Онуфрия. Вид с террасы, внизу сад, Piazza Navona, Пантеон, Palazzo Farnese, S. Pietro in Montorio, Aqua Paulina. Пинтуричиева Мадонна в церкви; картина Леонардо да Винчи над дверьми. В церкви гроб, доска в углу. На стене портрет. Алтарь полукруглую нишею с фресками. В библиотеке бюст с маски, зеркало, чаша, печать и рукопись. Между запрещенными книгами Боссюэт и Малбранш. Переход узкий в сад; дуб на углу древнего маленького амфитеатра, маленькая комната Тасса в конце коридора с надписью над дверьми» [Жуковский, 2004, т. 13, с. 374].

Что касается восприятия Жуковским оригинального творчества итальянского поэта, то оно было, очевидно, также опосредованным, так как итальянские стихи в оригинале он свободно читать не мог, хотя объявил его первым, кого бы он прочел, освоив итальянский. Из письма к И.И. Козлову от 4 (16) ноября 1838 г.: «Я принимаюсь за итальянский язык и когда возвращусь к тебе, то, вероятно, буду тебе читать Тассовы стансы» [Жуковский, 1960, т. 4, с. 638].

В то же время Тассо как автор постоянно находится в центре внимания Жуковского в связи с размышлениями о сущности эпоса. Впервые его имя появляется в 1800-х гг. В разделе «Эпическая поэзия» «Конспекта по истории литературы и критики» он вслед за Вольтером, автором «Опыта об эпической поэме», сравнивает Гомера с Вергилием и Луканом, Тассо, Камюэнсом и Мильтоном, отдавая пальму первенства в эпическом искусстве слова Гомеру и отмечая особенности мастерства каждого из поэтов. Помимо краткого содержания «Освобожденного Иерусалима» Жуковский выписывает следующие строки: «<...> я осмеливаюсь утверждать, что Тасс превзошел Гомера, если его Ренод списан с Ахилла и Годофред с Агамемнона. Он имеет столько же огня, как и Гомер, в описании сражений и гораздо разнообразнее. Всякий из его героев имеет свой особенный характер, так же как и в Гомере; но характеры Тассовы гораздо выразительнее, лучше выдержаны и представлены. В греческом поэте почти все характеры изменяются, у Тасса все неизменны. Он усовершенствовал искусство давать оттенки и различать разные роды добродетелей, пороков и страстей, которые у Гомера не так отмечены, как бы надобно было» [Жуковский, 1985, с. 60]. «Гомер, Вергилий, Тассо признаны совершеннейшими из эпических поэтов» [Там же, с. 72].

Так, изначально Тассо представляется Жуковским как один из представителей пантеона мировой классики и автор «Освобожденного Иерусалима». Эта линия рецепции в ореоле Гомера и эпических замыслов, характерная для арзамасцев вообще, оказывается и самой устойчивой в характере восприятия русского романтика. Имя Тассо включено им позже в список 1817 г. под заглавием «Поэмы» наряду с Обероном и Ариостом. В подобном же гомероцентричном дискурсе оно встречается в связи с глубоким интересом к истории и замыслом исторической поэмы «Владимир»: Жуковский отмечает каталог войск Гомера, планируя сравнить его с соответствующими описаниями у Тассо.

Таким образом, картина восприятия Жуковским образа и творчества Тассо представляется полной. Поэт хорошо знал русские переводы из Тассо, был знаком с немецким переводом «Освобожденного Иерусалима», посетил исторические места, связанные с жизнью итальянского поэта, интересовался мифом о Тассо, сложившимся в мировом искусстве. Принимая непосредственное участие в судьбе и литературной тассиане Батюшкова, Жуковский не стремился поэтизировать этой аналогии. Батюшков и Тассо соседствуют в его записях единственный раз в известной дневниковой записи 1821 г.: «С Батюшковым в Плаун: хочу заключения. [Раздранье писанного; надобно, чтобы что-нибудь со мною случилось]. Тасс, Брут, Вечный жид, Описание Неаполя» [Жуковский, 2004, т. 13, с. 233].

Литература

- Арзамас. Сборник: В 2-х кн. М., 1994.
- Бен де Сен-Виктор Ж.М.Б. Великие поэты-несчастливцы. Париж, 1802.
- Библиотека В.А. Жуковского: Описание. Томск, 1981.
- Горохова Р.М. Образ Тассо в русской романтической литературе // От романтизма к реализму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1978.
- Дитрих А. Записка о душевной болезни К.Н. Батюшкова // Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. СПб., 1885–1887. Т. 1. СПб., 1887 (в оригинале).
- Дитрих А. О болезни русского императорского надворного советника и дворянина господина Константина Батюшкова (1829) // Майков А.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. М., 2001 (в русском переводе).
- Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти т. М., 1999–2004.
- Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4.
- Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985.
- Кошелев В.А. Первое исследование о Батюшкове // К.Н. Батюшков под гнетом душевной болезни: Историко-литературный психологический очерк. Арзамас, 2005.
- Кошелев В.А. Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987.
- Новиков Н.Н. К.Н. Батюшков под гнетом душевной болезни: Историко-литературный психологический очерк. Арзамас, 2005.
- Пильщиков И.А. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М., 2003.
- Пильщиков И.А. Батюшков – переводчик Тассо (к вопросу о роли версий-посредников при создании переводного текста) // Славянский стих. Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г. М., 2001.
- Жуковский В.А. Письмо к П.А. Вяземскому, конец мая 1812 г.(?) // РГАЛИ. 195.1.1909.
- Розанов М. Пушкин, Тассо, Аретино. М., Л., 1937.
- Тассо Т. Освобожденный Иерусалим. М., 1828. Ч. 1–4.
- Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988.
- Янушкевич А.С. Неопубликованные письма В.А. Жуковского: по московским и петербургским архивам // Русская литература. 2010. № 3.
- Dietrich A. Russische Volksmaerchen in der Urschriften. Leipzig, 1831.
- Les veilles du Tasse, manuscript in edit. Paris, 1800.
- Ingemann B.S. Tasso's Befreiung. Ein dramatisches Gedicht. Aus dem Dänischen übersetzt von Anton Dietrich. Gotha, Hennings, 1827 (Ingemann's sämtliche Werke. 1. Bändchen).